

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.842 + 17.024 + 159.9.072.422

Е. С. Иванова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ: ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ*

Представлены экспериментальные данные о существенных гендерных различиях в вербализации эмоций. Согласно полученным результатам, девушки в двух возрастных группах (13–14 и 16–17 лет) демонстрировали значительно больший объем словаря эмоций, чем юноши-сверстники.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вербализация эмоций, гендерные различия, возрастные различия.

Вербальные репрезентации эмоций в тексте и межличностном общении осуществляются двояко: либо через эмотивы-номинативы (слова, непосредственно называющие эмоции: *радость, печаль, страх*), либо через эмотивные смыслы, которые имплицитно включены в различные высказывания (*довести до белого каления*) и отдельные слова (*малыш, подкидыш*). Для слов исследуемой группы важны прежде всего номинативная и экспрессивная функции. Они порождают два типа лексико-семантических вариантов — характеризующий (собственно номинативный) и оценочный [6, 8]. В настоящее время представляется актуальным выявление из общего языкового запаса и индивидуальных тезаурусов носителей языка именно номинативной лексики, так как в ней в значительной мере содержатся базовые и производные от них — дифференцирующие — эмотивные смыслы. Такой подход представляется особенно значимым

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Формирование словаря эмоций и развитие точности опознания эмоций по лицевой экспрессии», проект № 11-36-00332а2.

ИВАНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и психофизики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (e-mail: Ivanova_rina@mail.ru).

© Иванова Е. С., 2011

на данном этапе разработки вопросов этиологии, так как предметное поле этого направления остается слабо очерченным — как в психологии, так и в лингвистике, большинство исследователей пока недостаточно полно представляют весь спектр феноменов, нуждающихся в описании и изучении. Уже признанным является тот факт, что язык не отображает действительность полностью, всеобъемлюще, хотя и стремится к ее удвоению через собственную знаково-семантическую систему [5]. Однако вполне утвердила себя позиция, согласно которой языковые средства отображают и фиксируют наиболее значимые для индивида/группы/социума явления, в том числе состояния, эмоции, чувства [1, 6]. Таким образом, номинативная группа эмотивов позволяет достаточно полно выделить из языка как отрефлексированной системы знаний о внутреннем мире личности те переживания, которые оставили отпечаток в виде знака — слова-названия. Описать все нюансы внутреннего плана эмоциональной жизни человека не представляется возможным, но выделить эмотивы из лексического запаса языка — задача, решение которой позволит объективировать предметное поле психологии и лингвистики эмоций.

Большой вклад в разработку вопросов, связанных с этиологией, внесла волгоградская школа лингвистики эмоций под руководством В. И. Шаховского. В своей последней работе [8] он представил подробный обзор исторических этапов и современных направлений исследования эмоций не только в лингвистике, но и в психологии и культурологии. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в публикациях В. И. Шаховского, как впрочем и в работах ряда других исследователей [1, 6], совершенно не обсуждается вопрос об экспериментальном исследовании вербализации эмоций с учетом половой принадлежности испытуемых, хотя влияние пола биологического и пола социального (гендера) на проявление, предпочтение, закрепление особых форм эмоционального реагирования активно обсуждается в психологии — как общей, так и возрастной. На данный момент научной общественности необходимо принять, что языковая личность априорно подвержена влиянию факторов пола и возраста, которые начинают осознаваться субъектом общения с раннего периода овладения речью, определяя векторы развития Я-концепции. В психологии накоплены убедительные данные, доказывающие различия способности вербализовать аспекты своего опыта, в том числе и эмоционального, у представителей мужского и женского пола на всех этапах личностного становления [3]. Очевидно, что лингвистам для получения наиболее достоверных научных сведений при планировании и реализации собственных экспериментальных исследований эмотивной лексики необходимо учитывать, что данный слой языкового запаса при его непосредственном использовании существенно подвержен влиянию половозрастных характеристик носителей языка. Можно с уверенностью предполагать, что это проявляется преимущественно в двух направлениях:

— в отборе используемых языковых единиц. То есть из всего многообразия эмотивов-номинативов субъект выделяет некоторую группу понятий для фиксации и репрезентации собственного эмоционального опыта и отражения переживаний окружающих. При этом он способен воспринимать значение большинства категорий, используемых партнерами по общению, однако избыточность

языковых возможностей вербализации эмоций обуславливает его личный выбор и частоту использования наиболее удобных, точных, индивидуально значимых, психосемантически подходящих номинативов. Подчеркнем существование важного противоречия: с одной стороны, избыточность языковых средств для отображения, экстерииоризации внутриличностных процессов, а с другой — схематичность языка, конвенциональность условий использования его категорий, обобщенность, что нередко затрудняет и репрезентацию, и восприятие индивидуальности, неповторимости личностного переживания. С этих позиций становится очевидно, что люди разного пола и возраста буквально говорят на разных языках, так как имеют разный уровень овладения языковыми средствами. При этом гендерные различия обусловлены стимуляцией социумом у девочек потребности в артикуляции переживаний, а у мальчиков — в значительном табуировании процессов осознания и вербализации эмоционального опыта. Важно подчеркнуть, что социальные стереотипы воспитания представителей разного пола сочетаются с некоторыми физиологическими особенностями организации мозговой активности, различиями в темпах созревания мозговых структур, в том числе ответственных за вербальные функции, что проявляется уже в раннем детстве [3]. Таким образом, гендерные стереотипы воспитания оформляют и подчеркивают различия в вербализации эмоций, обусловленные спецификой физиологического базиса данной функции у представителей мужского и женского пола;

— в формировании набора некоторых типичных для данной половозрастной группы, высокочастотных при употреблении в межличностном общении эмотивов-номинативов. То есть индивидуальный словарь активной эмотивной лексики включает эмотивы как общегрупповые, так и индивидуальные, отражающие личностные особенности, маркирующие специфику субъективных переживаний, характеризующие интенсивность, преобладающую модальность, глубину и направленность, а также знак тех эмоций и чувств, что входят в пространство наиболее актуализируемых представлений субъекта о собственном эмоциональном опыте. Неоднократно апробированная в наших исследованиях слабоструктурированная инструкция [см. 2], предлагаемая испытуемым при направленном ассоциативном эксперименте, позволяет, с одной стороны, задать некоторые рамки ассоциативного процесса, сфокусировать испытуемых на том слое лексики, который наиболее полно несет в себе эмотивные смыслы, в их чистом виде, а с другой — выявить личностно значимые переживания, которые являются предметом рефлексии либо маркируют наиболее важные потребности. Как показали исследования 2005–2006 гг., в выборке студентов именно в гендерных группах наблюдались существенные различия как в содержании, так и в количестве общегрупповых эмотивов, тогда как различия между студентами гуманитарных, естественно-научных, математических специальностей были несущественны [2].

Таким образом, встает задача последовательной разработки вопроса о гендерных различиях вербализации эмоций во всех доступных возрастных группах, способных воспринять инструкцию и выполнить задание на продуцирование эмотивной лексики. Представляемые для обсуждения экспериментальные

данные были собраны при обследовании 100 испытуемых в возрасте 13–14 лет (52 девушки, 48 юношей) и 100 испытуемых в возрасте 16–17 лет (56 девушек, 44 юноши). Результаты были подвергнуты качественной (содержательной) и количественной (статистической) обработке.

Содержательный анализ собранного лексического материала включал в себя:

1. Сопоставление активного словаря эмоций и чувств каждого испытуемого с Основным списком эмотивов. Этот этап предполагал выбраковку понятий, которые имеют сему эмотивности, но непосредственно называют либо экспрессивные акты (смех, слезы), либо физиологические состояния (голод, сонливость), либо черты характера (решительность, смелость).

2. Составление общегруппового списка, т. е. перечня эмотивов-номинативов, которые хотя бы единично упоминались испытуемыми определенного пола и возраста. Затем определялась частота упоминания для каждого эмотива и анализировался ранжированный ряд — от наиболее частотных до наименее частотных понятий. Отметим, что показатель свыше 10 %, согласно В. П. Серкину [7], является критическим уровнем, указывающим на неслучайность появления той или иной ассоциации в данной группе, и может рассматриваться как отображение некоторого значимого смысла. Таким образом, предметом анализа стали эмотивы, значения частотности которых преодолели рубеж в 10 %, при этом общегрупповой показатель 50 % был определен как уровень очень высокой частотности, позволяющий рассматривать такой эмотив в качестве типичного, характеризующего наиболее значимые для данной выборки переживания.

Статистическая обработка предполагала сопоставление объема общегрупповых и индивидуальных списков эмотивов на предмет возрастных и гендерных различий с помощью t-критерия Стьюдента.

Рассмотрим результаты содержательного анализа и количественной обработки полученных данных.

Общегрупповой список эмотивов в выборке девушек 13–14 лет составили 118 слов — названий эмоций. В качестве наиболее частотных т. е. представленных в активных словарях более чем у 50 % испытуемых, выступили: *любовь* (частота упоминания в данной группе — 77 %), *радость* (77 % соответственно), *грусть* (64 %), *ненависть* (64 %), *злость* (57 %), *печаль* (55 %) и *страх* (52 %). Отметим, что в перечне из 118 эмотивов выделилась значительная группа — 76 эмотивов, которая упоминается менее чем 10 % испытуемых или вообще единично. Таким образом, значимо частотными (упоминаемыми более чем 10 % испытуемых) являются 35,6 % эмотивов из общегруппового списка, в том числе высокочастотными — 6 %. Это характеризует индивидуальные словари девушек-подростков, с одной стороны, как наполненные общегрупповыми вербальными знаками эмоций, а с другой — как содержащие эмотивы, существенно различающиеся в пределах одной возрастной группы. В целом в вербальных репрезентациях эмоций и чувств у девушек-подростков отчетливо просматриваются две тенденции: стремление к индивидуализации, осознание уникальности и многообразия своего эмоционального опыта и наряду с этим потребность принадлежать некоторой группе, быть ее частью, в том числе разделять

ее выразительные (вербальные, экспрессивные) средства, что соответствует основным характеристикам подросткового возраста [4].

Общегрупповой список эмотивов в выборке юношей 13–14 лет составили 92 слова — названия эмоций. Среди наиболее частотных выделились: *любовь* (частота упоминания составила 76 %), *радость* (76 %), *злость* (54 %). Частоту упоминания менее 10 % показали 67 эмотивов. Всего значимо частотными являются 27,2 %, в том числе высокочастотными — 3,3 % эмотивов общегруппового списка. Это характеризует активные словари эмоций у юношей как наполненные очень индивидуализированными понятиями, используемыми для вербального означивания эмоционального опыта. Можно предположить, что данные эмотивы, довольно часто встречающиеся в различных художественных текстах (*страсть, негодование, безразличие* и т. д.), являясь единично представленными в активных словарях подростков, маркируют индивидуальный, личностно значимый опыт юношей в этот период, что позволяет рассматривать выявленный лексический материал как специфические понятия, несущие на себе отпечаток нетипичных характеристик каждого юноши-подростка. Таким образом, в противовес девушкам 13–14 лет, которые демонстрируют тенденцию к универсализации отрефлексированного эмоционального опыта путем расширения слоя общегрупповой эмотивной лексики, юноши в указанный период стремятся выделить и подчеркнуть, используя языковые средства, уникальность своих значимых переживаний, зафиксировать их отличие от эмоций и чувств других людей.

В гендерных группах испытуемых 13–14 лет при наложении наиболее частотных эмотивов (имеющих частоту упоминания более 10 %) обнаружилось, что в обобщенный словарь девушек включены все частотные эмотивы юношей. Обращает на себя внимание тот факт, что в словаре девушек значимо представлены эмотивы отрицательных переживаний: *беспокойство, усталость, волнение, расстройство, ревность, зависть, боль, недовольство, огорчение, тоска, стеснение, безразличие, неуверенность, обида, неудовлетворенность, отвращение, скорбь*; а также эмотивы амбивалентных эмоций: *интерес, сочувствие, удивление* — и такой эмотив, как *влюбленность*.

В целом можно заключить, что при репрезентации своего эмоционального опыта юноши и девушки используют различные лексические средства, при этом девушки способны более тонко дифференцировать описания оттенков своих состояний, находя в них много общего с переживаниями других людей, киногероев, литературных персонажей. Можно прогнозировать, что в ситуации межличностного общения девушкам будет существенно не хватать информации о переживаниях и состояниях сверстников противоположного пола. Тогда как юноши могут испытывать дискомфорт от того, что их одноклассницы оперируют слишком большим объемом понятий, излишне дифференцированно отслеживая и артикулируя как свои переживания, так и эмоции окружающих. Здесь еще раз уместно подчеркнуть, что, несмотря на меньший объем активных эмотивов, юноши нередко используют специфические понятия, т. е. очень субъективно подходят к отбору из языка вербальных форм, призванных репрезентировать их чувства и эмоции. Очевидно, что это еще один фактор для

усиления непонимания между юношами и девушками в данной возрастной группе, а также серьезная предпосылка для возникновения чувства одиночества и отчужденности у юношей, демонстрирующих тенденцию к формированию собственного языка для отображения процессов, разворачивающихся во внутриличностном плане.

Статистический анализ, направленный на вычисление достоверности гендерных различий объема активного словаря эмоций в возрастной группе 13–14-летних подростков с помощью t-критерия Стьюдента, показал значительное (на уровне 0,99) превосходство девушек. Таким образом, в этот период девушки демонстрируют более сформированную способность вербализовать эмоциональный опыт и дифференцированно описывать переживания — как собственные, так и окружающих.

В целом можно заключить, что девушки в этом возрасте стремятся к расширению своего лексического запаса, интенсивно обмениваются вербальными формами репрезентации эмоций, в результате чего у них выделяется значительная группа активно используемых универсальных понятий. У юношей, напротив, наблюдается тенденция к подчеркиванию индивидуальности своих переживаний за счет использования специфических эмотивов, которые редко употребляются большинством представителей данной половозрастной категории.

Общегрупповой список эмотивов в выборке девушек 16–17 лет составили 120 понятий. В качестве наиболее частотных выявлены: *радость* (с частотой упоминания 89 %), *любовь* (86 %), *страх* (59 %), *грусть* (55 %), *ненависть* (52 %). Значимо частотные эмотивы охватывают 39 % общегруппового списка, 4,2 % составили высокочастотные эмотивы.

При сопоставлении содержания общегрупповых словарей эмоций девушек 13–14 лет и 16–17 лет обнаруживается тенденция повышения частотности большинства эмотивов в выборке старшеклассниц, в среднем на 10–18 %. Например, *радость* в первой возрастной группе показала частотность 77 %, во второй — 89 %, *уверенность* у девушек-подростков обнаружила частотность 21 %, у старшеклассниц — 32 %, *сочувствие* — 14 % и 41 % соответственно. Однако выявился перечень эмотивов, маркирующих негативные переживания, частотность которых у девушек-подростков выше, чем у старшеклассниц: *печаль*, *волнение*, *расстройство*, *ревность*, *усталость*, *боль*, *недовольство*, *огорчение*. Также более высокочастотны у девушек-подростков и некоторые эмотивы, номинирующие положительные переживания, близкие психическим и физиологическим состояниям: *удовольствие*, *бодрость*. У старшеклассниц высокочастотны такие эмотивы, как *гордость*, *ярость*, *восторг*, *тревога*. Эти понятия входят в общегрупповой перечень девушек-подростков, но набрали в нем низкие показатели частотности. Вероятно, их значительная (свыше 20 %) представленность в индивидуальных словарях старшеклассниц маркирует высокий уровень отрефлексированного эмоционального напряжения, интенсивность переживаний в юношеском возрасте, что несколько не согласуется с литературными данными [4], описывающими этот период как эмоционально уравновешенный, в противовес сильным перепадам эмоционального состояния у подростков.

Таким образом, сопоставление словарей эмоций девушек-подростков и старшеклассниц выявило две тенденции: с одной стороны, увеличение частотности значительной группы слов — названий эмоций, тенденцию к формированию единого понятийного пространства эмотивной лексики, с другой — дифференцированный подход к отбору лексических единиц, включаемых в это пространство (часть эмотивов девушек-подростков перешла на низкочастотные позиции в группе старшеклассниц).

В результате статистического анализа установлено, что возрастные различия объема активного словаря эмоций между девушками 13–14 лет и 16–17 лет недостоверны. В среднем показатели последних выше, однако среди девушек-подростков довольно значительную группу (35 % выборки) составили лица с высоким и очень высоким уровнем развития способности к номинативной вербализации эмоций и чувств (для сравнения: у старшеклассниц испытуемые этой категории составили 45 % выборки).

Общегрупповой список эмотивов в выборке юношей 16–17 лет включил 94 понятия, что количественно соответствует объему общегруппового списка юношей 14 лет (93 понятия). Однако и по содержанию, и по распределению частотных эмотивов общегрупповые списки юношей 13–14 и 16–17 лет существенно различаются. Так, у юношей 16–17 лет больше высокочастотных (набравших более 50 % частоты упоминаний) эмотивов, которые включают высокочастотные эмотивы юношей 14 лет: *любовь* (частота упоминания 75 %), *радость* (69 %), *гнев* (66 %), *злость* (63 %), *страх* (56 %), *ненависть* (53 %). Как видно из представленного перечня, высокочастотными в данной выборке стали негативные переживания — *гнев*, *ненависть*, *страх*, которые набрали значимую частотность в выборке 13–14-летних юношей, но упоминались менее чем 50 % испытуемых. Также у 16–17-летних юношей больше эмотивов, набравших свыше 10 % частоты упоминания. Если у подростков это 25 эмотивов, то у юношей — 32, при этом убывание частотности происходит более плавно. Этот факт указывает на увеличение объема общегрупповых эмотивов, некоторую универсализацию в юношеском возрасте (в противовес индивидуализации в подростковом) используемых понятий при вербализации эмоционального опыта. В первую очередь это достигается за счет увеличения объема индивидуального словаря эмоций: различия между подростками и юношами, вычисленные по t-критерию Стьюдента, достоверны на уровне 0,99.

При сопоставлении наиболее частотных эмотивов можно отметить, что в выборке юношей этот список практически включает весь перечень подростков, за исключением таких эмотивов, как *возбуждение* и *бодрость*, характеризующих в значительной мере физиологическую составляющую эмоциональной реакции, а также *обида*, *скорби* и *горя* — пассивных реакций, которые, по-видимому, к юношескому возрасту становятся неприемлемы с позиций автостереотипов маскулинного поведения. Обращает на себя внимание частотность у юношей таких эмотивов, как *апатия*, *равнодушие*, *безразличие* — возможно, это отражает механизм защиты от интенсивных переживаний, таких как *отчаяние*, *неудовлетворенность*, *тоска* — принятие состояния нечувствования позволяет юноше в некоторой степени снять напряженность, отвлеченно осмыслить тот

круговорот переживаний, в который он оказывается погружен. Важно отметить и частотность таких эмотивов, как *зависть*, *ревность*, *огорчение*, что явно указывает на большое количество неудовлетворенных потребностей, как в близких межличностных отношениях, так и в плане самоутверждения себя как взрослого, самостоятельного человека, что особенно характерно для данного возрастного периода.

Гендерные различия объема активного словаря эмоций в возрастной группе 16–17 лет достоверны на уровне 0,99. Как и в подростковом возрасте, девушки существенно превосходят юношей в способности вербализировать свой эмоциональный опыт.

Таким образом, можно отметить тенденцию нарастания интенсивных негативных переживаний в юношеском возрасте, что противоречит имеющимся литературным данным [4], согласно которым, именно подростковый период характеризуется сильными отрицательными эмоциями, тогда как юношеский описывается как рациональный, уравновешенный, ориентированный на логику и даже некоторое «резонерство». Можно предположить, что избыточная рациональность является в юношеский период лишь компенсаторной попыткой скрыть от окружающих интенсивные негативные переживания, а подчеркнутая рассудочность и логичность представляют собой способ овладения энергией этих импульсов. Необходимо признать нормативность такого рода реакций — ведь в этот период активно развивается абстрактно-логический интеллект, что способствует восприятию не только индивидуального, но и общекультурного, общечеловеческого опыта переживаний. Также перед юношей встает множество задач, связанных с самоопределением, выбором жизненного пути, что нередко входит в конфликт с потребностью в близости, стремлением поддержать контакты с семьей. Вероятно, с этим связана частотность таких эмоций, как *знев*, *злость*, *ненависть*, наряду с *любовью*, *восхищением*, *симпатией*.

Представленные данные позволяют сделать предварительное заключение, что в целом в подростковом возрасте активный словарь эмоций у девушек уже сформирован, однако способность к увеличению количества составляющих его лексических единиц продолжает развиваться, что становится очевидным при обследовании группы старшеклассников. Гендерные различия способности вербализировать свой эмоциональный опыт, обнаруженные нами ранее на студенческой выборке, отчетливо проявляют себя и в подростковом, и в юношеском возрасте, что может рассматриваться как маркирующая полоспецифическая особенность развития когнитивно-эмоциональной сферы в указанные периоды становления личности. Подтверждение полученных выводов запланировано путем реализации лонгитюдного эксперимента.

1. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

2. *Иванова Е. С.* Половозрастные особенности словаря эмоций студентов // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2007. Вып. 21. С. 262–273.

3. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002.

4. *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989.
5. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979.
6. *Мяжкова Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
7. *Серкин В. П.* Методы психосемантики. М., 2004.
8. *Шаховский В. И.* Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2010.

Статья поступила в редакцию 10.10.2011 г.

УДК 159.9.072.2 + 159.9.072.5

Ф. С. Исмагилова

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Рассмотрены подходы к исследованию структуры и содержания профессионального опыта, а также варианты построения его модели, представленные в зарубежных психологических исследованиях.

Ключевые слова: профессиональный опыт, стаж работы, структура, содержание, интегрированные модели профессионального опыта, метаанализ, профессиональная деятельность.

Проблема исследования

Сущность профессионального опыта как целостного психического образования часто отражается в метафорах, которые используют для его определения. Например, мы встречаем такое определение опыта, как «круги на воде». Подобно кругам на воде, от центрального звена опыта вширь расходятся его проявления в личной и профессиональной жизни субъекта. Вопрос встает о том, что же составляет центральную ядерную зону опыта. Вполне допустимо предположение, что его основу, так же как и основу личности в целом, составляют ценности, причем не только профессиональные, но и личные. Другая не менее распространенная метафора определения профессионального опыта — «бархатные наручники» (velvet handles). В этой метафоре проявляется более чем осторожное отношение к опыту, который воспринимается как носитель устаревших практик, тормозящих профессиональное развитие субъекта. Наконец, пожалуй, самое популярное восприятие профессионального опыта — опыт как «портфолио» (portfolio), отобранный материал (знания, умения, навыки, привычки, а в последнее время сюда добавились еще и компетенции), позволя-

ИСМАГИЛОВА Файруза Салихджановна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии личности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (e-mail: Ismagilova.f@gmail.com).

© Исмагилова Ф. С., 2011